

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В 1920–1930-Х ГОДАХ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2020 г. А.А. Савич

Канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

E-mail: uleks@tut.by

В статье представлена историография белорусско-польского коммунистического сотрудничества в Западной Белоруссии в 1921–1939 гг. На основе анализа научных работ и архивных документов сделан вывод о наличии в компартии белорусско-польских противоречий, требующих предметной научной разработки.

The article presents the historiography of the Byelorussian–Polish communist cooperation in Western Belorussia in 1921–1939. Based on a wide range of studies and archival documents, it suggests that there were Byelorussian–Polish contradictions in the Communist Party, and this issue requires more detailed research.

Ключевые слова: историография, коммунистическое движение, Компартия Западной Беларуси, белорусско-польские противоречия.

Keywords: historiography, the Communist movement, the Communist Party of Western Belorussia, Byelorussian–Polish contradictions.

DOI: 10.31857/S0869544X0009513-7

Характерной чертой современной белорусской историографии является снижение интереса к истории Компартии Западной Белоруссии (КПЗБ), которая в советское время рассматривалась как символ борьбы белорусского народа в 1920–1930-х годах «за социальное и национальное освобождение» в Польше и являлась важным элементом в структуре отечественных научных исследований. При том, что современная белорусская историография истории Западной Белоруссии 1921–1939 гг. подтверждает очевидные перспективы дальнейшего углубления и объективизации истории КПЗБ, ее предметное изучение сузилась до уровня отдельных статей [1. С. 209–210]. И хотя некоторые из них достаточно показательно иллюстрируют прогресс историографии темы [2–4], в целом она ждет своего скрупулезного исследователя, особенно в отношении осмысления малоисследованных аспектов истории КПЗБ, одним

из которых являются белорусско-польские противоречия в коммунистическом движении Западной Белоруссии.

Отсутствие предметных исследований по теме в 1920–1930-е годы объясняется общей стилистикой советских партийных идеологов и историков, которые предпочитали не касаться внутренних проблем партии вследствие ее нелегально-конспиративного характера. Не произошло качественного сдвига в изучении темы и во второй половине 1950-х – 1980-е годы, времени активизации изучения истории КПЗБ после XX съезда КПСС, политически реабилитировавшего Компартию Польши (КПП) и ее составную часть – КПЗБ. Восхваление компартии подразумевало некоторое отражение идейно-организационных трудностей, с которыми она столкнулась в процессе выработки теории и практики революционной борьбы в крае. Так, коллективная монография по истории КПЗБ, публикации А.Н. Мацко, В.А. Полуяна, П.И. Зелинского упоминали белорусскую фракцию в КПЗБ – «сецессию», борьбу «большинства» и «меньшинства», в том числе по определению сути «майских ошибок» 1926 г. и характера «санационной» власти. При этом пришлось минимизировать размеры внутривнутрипартийного раскола, даже отметить его созидательную роль – «большое значение» внутривнутрипартийных дискуссий в деле большевизации партии, решении многих «важнейших вопросов теоретического и практического характера» [5. С. 96–98, 159–163; 6. С. 124–127, 139; 7. С. 61–63; 8. С. 18–21]. Только поверхностно, намеками говорил о белорусско-польских спорах и известный общественный и научный деятель, один из руководителей КПЗБ Н.С. Орехов [9. С. 60, 67–69, 79–83, 225–229], в отличие от польской исследовательницы А. Бергман, также ветерана КПЗБ, которая сложности белорусско-польского диалога объяснила наличием разнонаправленных тенденций в мировом коммунистическом движении и «белорусским вопросом в КПЗБ» [10; 11. С. 73–95].

Причины и сущность белорусско-польских противоречий в коммунистическом движении Западной Белоруссии связаны с государственно-территориальными вопросам, которые конкретизировались проблемой размежевания между белорусской (КП(б)Б), польской, а также литовской (КПЛ) компартиями, а с осени 1923 г. и КПЗБ. В частности, в соответствии с советско-литовским договором от 12 июля 1920 г. не только Вильно и Виленщина, в которой преобладало белорусское население [12. С. 282], но и большая часть Гродненщины (Гродно, Постава, Браслав, Ошмяны, Лида) должны были отойти к Литве [13. С. 3], однако литовские коммунисты из-за своей малочисленности не могли обеспечить ощутимого влияния в регионе. И наоборот, КПП была одной из партий – основательниц Коминтерна, она представляла силу, способную реализовать линию большевистского руководства на советизацию Польши и европейских стран, при осуществлении которой невозможно было обойти Польшу. Польские коммунисты не хотели отказываться от Виленщины, были заинтересованы, чтобы она была выведена из-под влияния КПЛ и КП(б)Б.

В феврале 1921 г. литовские коммунисты подняли проблему разграничения территории Виленщины между КП(б)Б и КПЛ. Для литовской стороны в качестве основного аргумента урегулирования служило упомянутое советско-литовское соглашение, поэтому Виленский комитет КПЛ искренне удивило то, что на территории Лидского, Молодечненского, Вилейского, Дисненского и части Ошмянского уездов работала КП(б)Б. КПЛ настойчиво предлагала «расширить работу на все тяготеющие к Вильно уезды и совершенно оторванные от Белорусского центра» [14. С. 36–37, 39]. В августе 1922 г. Президиум

Исполкома Коминтерна (ИККИ), не вступая, однако, в обсуждение вопросов о государственной принадлежности Виленской области, принял резолюцию о присоединении Виленской областной организации КПЛ к КПП, в которой говорилось об «особых условиях как Виленского края, так и всей оккупированной части Белоруссии» [14. С. 55]. Виленщина здесь названа белорусской территорией, что подразумевало активизацию в крае белорусских элементов, контролируемых Минском.

Современные российские публикации убедительно свидетельствуют, что деятельность компартий в Европе направлялась большевистско-коминтерновским руководством [15–17], которое не могло игнорировать белорусский вопрос в Польше. Создание КПЗБ в 1923 г. было вызвано желанием советского руководства укрепить присутствие в Польше, манипулируя национально-территориальными факторами на белорусско-литовско-польском пограничье. Это был тактический шаг Коминтерна для активизации революционного движения в условиях усиления белорусского фактора во внутривнутриполитической жизни Польши, очевидным свидетельством чего стали результаты выборов в польский сейм в 1922 г., когда в лице своих избранных, депутатов сейма, белорусские крестьяне увидели защитников интересов белорусского народа в составе Польши [5. С. 54]. К тому же очевидно белорусской и крестьянской по этносоциальному составу была антипольская партизанская борьба в Западной Белоруссии в первой половине 1920-х годов, поддерживаемая из БССР и СССР [18].

Большевистское руководство, несмотря на советско-литовский договор 1920 г., чтобы дополнительно простимулировать белорусов, «закрепило» за КПЗБ и территорию Виленщины. Это должно было обеспечить поддержку компартии со стороны белорусских национальных деятелей, уверенных в белорусском этническом характере Вильно и Виленщины и надеявшихся на их присоединение к БССР [14. С. 66–67, 75; 19. С. 178–179]. Польские коммунисты были не против такого решения, оно «выводило» Виленщину из-под литовского влияния и закрепляло ее за КПЗБ, а они сохраняли контроль за спорной территорией – создаваемая КПЗБ в виде составной части должна была войти в Компартию Польши, страны, которая оккупировала этническую белорусскую территорию, и не только Виленщину. Советское руководство по политическим причинам не распространило деятельность КП(б)Б на территорию Западной Белоруссии, не желая осложнять отношения с компартией Польши.

Литовские коммунисты в лице В. Мицкявичюса-Капсукаса и С. Алексы-Ангартиса неоднократно открыто и резко оспаривали решение о закреплении Виленщины за КПЗБ, подыгрывая польским партфункционерам, недовольным увеличением роли белорусских политиков в коммунистическом движении края, утверждая, что указанная ситуация «в конкретных виленских условиях приводит лишь к отталкиванию от Компартии основных масс Виленщины, прежде всего польских рабочих гор. Вильно» [14. С. 109–110]. На недовольство литовских коммунистов обратила внимание и А. Бергман, считая, что КПЗБ нельзя рассматривать как чисто белорусский проект [10. С. 230–232; 11. С. 80–81].

Что касается в целом территории Западной Белоруссии, то польские коммунисты на основании Рижского мира настаивали на законности и справедливости присоединения ее земель к Польше, игнорируя основополагающий тезис белорусских коммунистов о захватнической оккупационной сущности польской власти в крае. Более того, в планах польских коммунистов существовали варианты реализации крупномасштабных геополитических проектов, в которых Варшава в системе международного коммунистического порядка получила

бы паритетные по сравнению с Москвой позиции. Так, во время V конгресса Коминтерна, «польские некоторые цекисты» говорили о необходимости отделения «Советской Белоруссии от восточного СССР и присоединении ее к западному СССР, в котором Варшава собирается играть первую скрипку». Это должно было привести к разделению «общего коммунистического движения на “азиатско-московское” и “культурное” варшавско-европейское» [20. Оп. 129. Д. 71. Л. 8–9]. Наличие таких смелых проектов подтверждается статьями в польских правых газетах, предназначенных для белорусских территорий, утверждавших, что после присоединения Советской Беларуси к Западной, а не наоборот, возможно создание «независимой Беларуси» [10. S. 235].

Причиной идейно-политических разногласий и создания внутрипартийных группировок были и другие факторы, обусловившие образование и развитие коммунистического движения в крае. Отчетливое желание советского руководства контролировать Польшу как плацдарм для продвижения мировой революции на Запад требовало усилить польское, а позже и западнобелорусское революционное движение. Большевицско-коминтерновское влияние в Западной Белоруссии и Польше обеспечивалось и переправкой туда представителей различных политических партий, в том числе членов Бунда и Поалей-Циона, с надеждой на создание доброжелательного к коммунистическому движению общественно-политического климата [21]. В этом процессе выявились различные организационные центры, что может быть объяснено наличием в Советской России — СССР нескольких спецслужб, обеспечивавших проведение агентурной разведки и укрепление коммунистического подполья в Западной Белоруссии. Специалисты из штаба Красной армии, Коминтерна и ГПУ не имели должной координации, в том числе и из-за постоянной борьбы за власть в высших эшелонах ВКП(б) и Советского государства между И.В. Сталиным и его оппонентами, в первую очередь Л.Д. Троцким. Налаживание структур коммунистического подполья объективно приводило к укреплению позиций в ходе борьбы за высшие государственные и партийные позиции в СССР. Как возможный пример таких действий можно считать участие Сталина в организации Бюро помощи КПЗБ при ЦК КП(б)Б, что, вероятно, способствовало укреплению его влияния в Коминтерне по линии КПП — КПЗБ [22. Оп. 2. Д. 32. Л. 6]. Примечательно то, что после разгрома национальной белорусского фракции в КПЗБ — «сецессии» — связанное с ней Бюро помощи в марте 1925 г. было ликвидировано, вероятно ослабляя возможность Сталина влиять на ситуацию в польсекции Коминтерна.

Решающим было воздействие фракционной борьбы в верхних эшелонах власти в СССР на наиболее острую дискуссию в КПП и КПЗБ о так называемых «майских ошибках» 1926 г. и установлении «санационного» режима Ю. Пилсудского. Длительные идейно-политические распри между «большинством» и «меньшинством» в КПП и КПЗБ отличались количеством сторонников, приверженностью демократическим традициям внутрипартийной жизни или уступчивостью к требованиям единого партийного центра и авторитарного лидера [23].

Среди причин белорусско-польских противоречий необходимо выделить и особенности организационного оформления КПЗБ. Установление коммунистического подполья в Западной Белоруссии происходило из двух подконтрольных Москве центров, которые конкурировали между собой за установление влияния в крае, а именно из Варшавы (КПП) и Минска (КП(б) Б). КПЗБ была организована в 1923 г. в результате дискуссий накануне и во время Второго съезда компартии Польши по национальному и крестьянскому вопросам

как составная часть КПП с автономными правами. Очевидно, это был компромисс между польскими и белорусскими коммунистами, между КПП и КП(б)Б, которые пытались охватить организационным влиянием территорию Западной Белоруссии, закрепив ее, соответственно, за Польшей или БССР. Стремление Минска усилить позиции «на креслах» через активизацию радикального белорусского коммунистического движения в конце 1924 г. привело к усилению повстанческих настроений и расколу в КПЗБ. Линию белорусского большинства в партии на восстание категорично не приняли пропольски настроенные деятели. «Сецессия» в КПЗБ, поддерживаемая государственными лицами БССР, открыто выступила против подчинения польской компартии [24]. Ситуация повторилась в 1927–1928 гг. и была настолько опасной для единства партийных рядов, что политсекретариат ИККИ постановлением в сентябре 1927 г. принял решение о проведении съезда или конференции по преодолению раскола, показательно называя КПЗБ «Ком. партией Белоруссии» [20. Оп. 129. Д. 121. Л. 4], что может свидетельствовать о консолидации КП(б)Б и «большинства» КПЗБ в деле противостояния пропольским «меньшинству» КПЗБ и «большинству» КПП. При этом, существенно упрощая острую ситуацию противостояния, очевидно игнорируя белорусские интересы в фракционных спорах, политсекретариат отметил, что «фракционная борьба в ЦК Компартии Западной Белоруссии [...] была следствием и отражение фракционной борьбы в КПП» [20. Оп. 129. Д. 121. Л. 5–6]. Чтобы стабилизировать критическую ситуацию в КПЗБ, ИККИ была создана комиссия, которая в связи с фракционной борьбой в руководстве партии выполняла функции ЦК КПЗБ вплоть до момента избрания правомочного ЦК в июле 1928 г. на I съезде КПЗБ [25. С. 481].

До этого, в ходе мартовской дискуссии в КПЗБ, руководство партии в составе 33 членов окружных и городских комитетов, аппарата ЦК КПЗБ разделилось на 21 представителя «большинства» и девять — «меньшинства» при трех воздержавшихся [22. Оп. 2. Д. 133. Л. 137]. Фракционные споры обострились во время подготовки и работы IV съезда КПП, в начале которого мандатная комиссия съезда под влиянием «большинства» КПП («меньшинство» в КПЗБ) лишила мандатов «большинство» КПЗБ, передав их «меньшинству» во главе с А. Максимовским. Летом различные подконтрольные Коминтерну инстанции получили большое количество обращений от представителей «большинства» и «меньшинства» в КПЗБ. В частности, первые, возглавляемые И. Логиновичем, в письме в польсекцию Коминтерна от 8 июля 1927 г. вынуждены были констатировать, что «положение в ЦК КПЗБ является в высшей степени ненормальным. Это положение создалось вследствие фракционной дезорганизаторской работы секретаря ЦК т. Максимовского и его группы, составляющей меньшинство в ЦК. Работа эта, поддерживаемая правым большинством ЦК КПП, направлена на противопоставление Секретариата Центральному Комитету, подрыв авторитета и дискредитацию ЦК, изоляцию его от партии, саботирование проведения в жизнь его решений, обострение отношений между ЦК КПЗБ и ЦК КПП, и привела к полному ослаблению руководство ЦК партией, что грозит опасными последствиями для партии» [22. Оп. 2. Д. 132. Л. 40].

А. Максимовский и его сторонники обвиняли своих оппонентов в фракционности в отношении ЦК КПП, дискредитации и «отклонении меньшинства» от партийного руководства, печатании несогласованных с «меньшинством» изданий, использовании в фракционной борьбе аппарата представительства КПЗБ и партийной школы в Минске. Раздражение «меньшинства» просматривается и в отношении руководства БССР и ЦК КП(б)Б, по их мнению, способствовавших фракционным действиям «большинства» КПЗБ. Представители группы

Максимовского активно содействовали инспирации «белорусского национал-демократизма», особенно акцентируя внимание на «националистическом» характере ошибок «большинства», представители которого «сделались неспособными видеть и реагировать на крупные ошибки», настаивая на националистической тональности изданий подконтрольной КПЗБ массовой революционно-демократической организации Белорусская крестьянско-рабочая Громада (БКРГ), взаимодействии с правыми белорусскими организациями в выборных кампаниях и культурной деятельности, «замазывании классовой линии» [22. Оп. 2. Д. 132. Л. 46–51; Оп.1. Д.153. Л. 158–162]. Исходя из этих претензий, можно сказать, что многие идеи разгромленной за два года до этого антипольской «сецессии» в КПЗБ фактически были восприняты «большинством» КПЗБ при поддержке КП(б)Б.

Одной из причин обострения фракционной борьбы в КПЗБ стал рост влияния Громады, укрепление в коммунистическом движении сторонников ее дальнейшей активизации как массовой белорусской крестьянской партии. Это пугало не только правительство Польши, но и оппонентов укрепления БКРГ в рядах КПЗБ и КПП, которые хотели ослабить своих конкурентов в КПЗБ через дискредитацию громадского движения. Фракционное противостояние еще более усилилось запретом польскими властями легальной БКРГ и радикализацией настроений крестьянского населения Западной Белоруссии. Часть функционеров КПЗБ и представители советской дипломатической миссии в Польше (А. Загорнов, А. Ульянов) рассчитывали использовать активность крестьян весной 1927 г., когда во время выборов в местные органы крестьянского самоуправления белорусы добились больших успехов. Так, в Виленском воеводстве среди 1051 избранных в местные рады (советы) свыше 500 человек были членами запрещенной БКРГ и ей сочувствующие, а также 57 коммунистов и 14 бывших членов также запрещенной властями прокоммунистической Независимой крестьянской партии [26. С. 34]. Как сообщил в Минск 12 сентября 1927 г. А. Ульянов, «избирательная кампания в гминное самоуправление закончилась в общем целом для белорусов очень положительно. [...] Польские власти, учитывая крайне неудобное для себя положение, в котором они оказались благодаря громадному проценту избранных в гминное самоуправление белорусов, настроенных враждебно к ним, [...] стали усиленно насаждать своих войтов и солтусов, не утверждая неугодные им кандидатуры» [22. Оп. 2. Д. 116. Л. 91].

Советские диппредставители обращались в Минск в представительство КПЗБ с настоятельной просьбой переслать как можно больше денег для закрепления этого успеха, так как компания белорусов в защиту своих войтов и своих солтусов в противовес намеченных правительством, прошла довольно слабо, не достигла ожидаемых размеров и результатов во многом из-за отсутствия легальной политической организации, которая могла бы широко, через своих инструкторов поставить и развернуть эту кампанию. Тяжелое финансовое положение не позволило бывшим громадцам развернуть работу по созданию новой политической организации, которая была «в общих чертах [...] уже намечена и нужно думать, что если финансово состояние их улучшится, то они могут приступить конкретно к проведению намеченных решений» [22. Оп. 2. Д. 116. Л. 91–92]. Однако, ожидаемой поддержки не было оказано, и белорусы не смогли эффективно реализовать существенные легальные возможности влиять на политические, хозяйственные и культурные процессы в Западной Белоруссии.

Такой результат частично можно объяснить целенаправленной деятельностью антибелорусских сил в компартии, которые в ответ на успехи КПЗБ – КП(б)Б могли выступить «против», активизируя внутрипартийные споры, пытаясь парализовать организованное усиление антипольского движения. Польские

спецслужбы были проинформированы о намерениях советских властей обострить ситуацию в Западной Белоруссии, в марте 1927 г. они знали «об интенсивной подготовке белорусов в Польше к вооруженному выступлению весной текущего года» [27. Ф. 92. Оп. 1. Д. 130. Л. 25]. Ситуация в польских спецслужбах была явно напряженная, что требовало мер по предотвращению подрывной деятельности, в том числе с использованием агентуры в среде КПП и КПЗБ. Поэтому и вызывает вопросы активизация фракционной борьбы в КПЗБ именно в 1927 г. Расправа над Громадой должна была всколыхнуть Западную Белоруссию, а значит запрет БКРГ был на пользу сторонникам антипольского восстания, о котором много говорили осенью 1926 г. — весной 1927 г. Здесь уместно будет вспомнить смену национальной политики КПЗБ в конце 1927 г., которая вероятнее всего под воздействием пропольских сил начала «исправлять предыдущие ошибки», исходившие из недооценки белорусского села и перехода «кулаков» в «фашистский лагерь» [10. С. 236]. Не углубляясь в идейно-теоретические аспекты соответствующих споров, можно сделать вывод об общей направленности очерченной риторики на усиление польских позиций в революционном движении «на кресах» за счет ослабления белорусских.

Важной определяющей белорусско-польского противостояния в КПЗБ была неоднородная этническая структура партии, включавшая представителей белорусов, поляков, евреев, украинцев, литовцев, заинтересованных в реализации собственных политических проектов. Принципиально важный для белорусов вопрос о выходе Западной Белоруссии из состава Польши с трудом воспринимался польскими коммунистами, которые не хотели терять контроль над «кресами» и в стремлении не допустить установления там белорусского влияния не брезговали явно деструктивными для всего коммунистического движения приемами, в том числе не позволяли печатать белорусские листовки, запрещали распространять литературу белорусских издательств, сдерживали организацию подпольных типографий КПЗБ и даже разрушали их [22. Оп. 2. Д. 12. Л. 22–23; 20. Оп. 129. Д. 71. Л. 15–16]. Для борьбы с коммунистами-белорусами они прикрывались идеями мировой революции и пролетарского единства, мягко воздействуя на слишком активных представителей белорусского движения. Так, например, было в 1924 г., когда польский коммунист, один из основателей и руководителей КПЗБ С. Мертенс (Скульский), смеясь над «отлично разработанным» Б. Тарашкевичем проектом широкой автономии Западной Белоруссии в составе Польши, символически посоветовал бросить его «в Вилию, так как сама-то идея внесения такого законопроекта вредная, дурачит массы» [28. С. 65].

Белорусско-польский антагонизм проявился и в силу организационно-структурной специфики коммунистического движения в Западной Белоруссии, представленного не только КПП и ее составной частью — КПЗБ, но и наличием бюрократических инстанций, в первую очередь представительства КПП при Исполкоме Коминтерна в Москве и формально, но не фактически, подчиненного ему представительства КПЗБ при ЦК КП(б)Б в Минске. Известны красноречивые факты об отказе представительства КПП предоставить финансовые средства и разнообразную печатную продукцию, в которых остро нуждались в Минске [22. Оп. 2. Д. 80. Л. 15, 18, 21, 22, 23].

Для шельмования белорусского национального движения в Польше, представители которого всегда работали в более-менее близких контактах с белорусами из КПЗБ, польские коммунисты дискредитировали легальные белорусские организации, называя их агентами польского империализма [27. Ф. 2028. Оп. 1. Д. 246. Л. 54]. Используя организационные преимущества

существования польской секции в Коминтерне и возможности нужной постановки соответствующих вопросов непосредственно в Москве через представительство КПП при ИККИ, Центральный комитет по делам политэмигрантов при ЦК МОПРа, польские партфункционеры добивались опалы членов КПЗБ, особенно тех, которые были замечены в контактах с белорусским национально-освободительным движением [20. Оп. 123. Д. 228; Оп. 129. Д. 249].

Анализ белорусско-польских противоречий и фракционной борьбы в КПП и КПЗБ вскрывает и индивидуальные устремления участников внутрипартийной жизни. Партийные функционеры делали политическую карьеру, стремились к более высоким должностям, повышению партийного статуса, контролю за людскими и финансовыми ресурсами партии. Архивные материалы содержат большое количество сведений о материально-финансовой стороне коммунистического подполья в Западной Белоруссии, на которое выделялись огромные суммы. Часто встречаются сведения о расходах на разных родственников деятелей компартии, например, «жене Цезаря», «матери Адольфа», «сестре Симы», «жене Быстрого», «жене Фришмана», «семье Вернера» и другие [22. Оп. 2. Д. 118]. Ответственные должности в КПЗБ открывали доступ к материально-финансовым операциям по обеспечению переправки людей и грузов через советско-польскую границу, в том числе и для лиц, участвовавших в контрабандистских схемах, как например М. Портной [22. Оп. 3. Д. 23. Л. 9–12].

С другой стороны, в подпольно-конспиративных условиях как в Польше, так и в СССР члены КПЗБ сталкивались с разнообразными изнурительными проверками, чистками, допросами, которые вели к настороженности и даже конфликтным отношениям между однопартийцами. Из большого количества такого рода случаев привлекает внимание драматическая история жизненных и партийных отношений между С. Мертенсом (Скульским) и В. Хоружей, мужем и женой, омраченных его доносом на нее [29]. Яркой иллюстрацией сложного процесса взаимоотношений обвиняемых и обличителей являются дела по проверке представительством и Политбюро ЦК КПП членов КПЗБ [20. Оп. 123. Д. 229].

В целом можно говорить о белорусско-польских противоречиях и фракционных настроениях как одной из характерных черт коммунистического движения в Западной Белоруссии. Наличие различных группировок-фракций в партии было обусловлено борьбой в высших эшелонах ВКП(б) и СССР, Коминтерна, КПП, КПЗБ, неодинаковым пониманием советским руководством ситуации в Польше и Западной Белоруссии и наличием разнообразных вариантов решения «польского вопроса», борьбой белорусских и польских коммунистов за влияние в Западной Белоруссии, а также амбициями и личной заинтересованностью партфункционеров в укреплении своего политического статуса. Основанием для фракционности во внутрипартийной жизни КПЗБ была ее полиэтничность. Детерминированные соответствующими национально-государственными и этнокультурными приоритетами рядовые коммунисты и функционеры КПЗБ и КПП способствовали отсутствию согласованности, нервозному соперничеству, конкуренции в рядах партии. Это обуславливало неудачи партии, невыполнение принятых решений, частые провалы, подозрительность и настороженность, привело к созданию вокруг партии атмосферы подозрительности с последующими репрессиями. Последствием внутрипартийных разборок стало ослабление антиоккупационной борьбы в Западной Белоруссии, формирование устойчивых негативно-скептических отношений со стороны сталинского руководства к польскому и западнобелорусскому революционному движению в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов, которые вместе с другими

факторами привели к санкционированию И.В. Сталиным репрессий в отношении КПП и КПЗБ и их руководителей и роспуска партии в 1938 г. Новейшие публикации и наличие огромного массива документов в архивах Белоруссии, России, Польши и Литвы создают прочную научно-теоретическую и историко-ведческую базу для предметного исследования темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Савіч А.А.* Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў: манаграфія. Брэст, 2019.
2. *Ладысеў У.Ф.* Іосіф Каэтанавіч Лагіновіч: нарыс жыцця і палітычнай дзейнасці. Ч. 1 // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. № 3; Ч. 2; № 4.
3. *Пашкевіч А.* Чалавек з-за шырмы: спроба высвятлення таямніцы «Старога» // Гістарычны альманах. 2010. № 16.
4. *Пашкевіч А.* Справа «Беларускага нацыянальнага цэнтру» паводле сведчанняў былых актывістаў Кампартыі Заходняй Беларусі // Спадчына. 2006. № 1.
5. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.). Минск, 1966.
6. *Мацко А.Н.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.). Минск, 1972.
7. *Полуян В.А.* Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск, 1978.
8. *Зелинский П.И.* Политическая работа Коммунистической партии Западной Белоруссии в массах, 1923–1938. Минск, 1986.
9. *Орехов Н.С.* Дела и люди КПЗБ: воспоминания. Минск, 1983.
10. *Bergman A.* Kwestia białoruska w Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi // Przegląd Historyczny. 1971. № 62/2.
11. *Bergman A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984.
12. *Кісялёў Г.В.* Віленская губерня // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі У 6 тт. Мінск, 1994. Т. 2.
13. *Міхнюк У.М.* Расійска-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г.: гістарыяграфія праблемы // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 8.
14. Революционное движение в Вильнюсском крае: 1920–1940 гг. Документы и материалы: Сб. Вильнюс, 1978.
15. Коминтерн против фашизма: Документы. Москва, 1999.
16. *Линдер И., Чуркин С.* Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943. Москва, 2005.
17. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943: Документы. Москва, 2004.
18. *Савіч А.А.* Партызанскі рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў: стан і перспектывы даследавання // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2016. № 4.
19. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. В 2 тт. Минск, 1962. Т. 1. 1921–1929.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495.
21. *Савіч А.А.* Камуністычны рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў і стварэнне КПЗБ: гістарыяграфічны дыскурс // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. 2014. № 2.
22. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242п.
23. *Фирсов Ф.И., Язборовская И.С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши. Ч. 1 // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Ч. 2 // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
24. *Савіч, А.А.* «Сэцэсія» ў КПЗБ у айчынным гістарыяграфіі // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. 2007. № 3 (30).
25. *Ладысеў У.* Першы з'езд КПЗБ // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 тт. Мінск, 1999. Т. 5.
26. *Борка А.І.* Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): манаграфія. Гродна, 2011.
27. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 92. Оп. 1. Д. 130.
28. *Валахановіч А.І., Міхнюк У.М.* Сповідзь у надзеі застацца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1999.
29. *Селицкая Л., Селеменев В.* Как Вера Хоружая отказалась стать «польской шпионкой» // Наша ніва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=162956&lang=ru>. Дата доступа: 21.02.2020.